

Давным-давно, ещё в прошлом веке, была у меня мечта – очень уж мне хотелось посмотреть на то, как выглядела наша Уфа в начале столетия. Просто так, ясное дело, желаний таких не возникает, были и для этого свои предпосылки. В 1962-м наша семья получила квартиру на Первомайской площади, возле пожарной каланчи. Освоив двор, всё чаще мы с новыми друзьями стали выбираться на расположенный метрах в ста от нас и огороженный полуразвалившимся забором пустырь, сразу за разворотным кольцом 1-го троллейбуса. Особенно зимой: не каждому в детстве повезло с высоченной горкой для санок. Но и весной было неплохо: вид на Белую с плывущими льдинами вдохновлял настолько, что мы спускались вниз и, минуя стоящую в задумчивости на берегу статую В.И. Чапаева, подбирались к самой воде, чтобы хоть немножко «прокатнуться» на льдине. И разжечь костёр. Размытый тальми водами берег частенько дарил нам монетки – в сравнении с советскими, огромные, с царскими орлами. На мои вопросы по поводу их происхождения с удовольствием отвечал отец.

Я и сейчас помню, как он рассказывал мне о том, как в детстве гонял козу на пастбище. А было оно на горе за Старой Уфой! Там, где нынче стоят большие дома на улице Менделеева. Так вот, отец рассказал мне, что на месте нашего дома, да и на берегу тоже, был базар. И что скоро на огороженном пустыре будет построен обелиск. Он даже купил книжку «Уфа – столица Башкирской АССР» Тахаева и Пархоменко (редкое сегодня, кстати, издание 1961 года), где была фотография с проектом будущего монумента.

Чему будет посвящён обелиск, я по малости лет ещё не понимал, но информацию жадно впитывал. И держал всё в своей стриженной голове, не имея возможности визуализации – уже тогда «картинка»,

должно быть по причине горящей любви к детским книжкам с иллюстрациями Сутеева, Владимирского и Конашевича, мне казалась важным сопровождением каких-то словесных сообщений.

А вскоре началась эпопея строительства Монумента дружбы. Карманы наших коротких штанов быстро наполнились кусочками гранита, с любопытством следили мы, как под ударами зубила на постаменте появляются буквы: «Сооружён в честь...» И поныне с восторгом вспоминаю, что скульптуры девушек, которые сегодня известны всем, лежали когда-то в деревянных ящиках на земле.

Через много лет на снимке Анатолия Михайловича Виноградова я впервые увидел монумент в строительных лесах и понял, насколько избирательна наша память. Ведь каждый миг строительства проходил на моих глазах, но лесов этих я не помню. Зато я не забыл, как во время прогулки отец фотографировал нас возле большого спиленного тополя на склоне у почти готового монумента. Это дерево стояло возле обречённой Троицкой церкви, потом – у её развалин и, наконец, у доски с надписью: «На этом месте будет сооружён обелиск...»

Отец мой с юности был заядлым фотолюбителем, сразу после рождения моего старшего брата он купил «Смену-2». На большее денег не было. Да ещё плёнка 35 копеек (до реформы 1961 г. – 3 руб. 50 коп.), фотобумага 20-30 копеек за пачку, проявитель, закрепитель – и всё это при зарплате в 90 рублей. Не раз, улыбаясь, он вспоминал, что дома постоянно слышал: «На ерунду деньги переводить!» Как он умудрялся, не обращая внимания на ворчание мамы и бабушки, возиться со всеми этими кюветами, фонарями и химикатами, где он устраивал себе ночную фотолабораторию, я до сих пор не могу понять. Но, благодаря отцу, снимков, начиная с самых первых моих дней, в семейных фотоальбо-

мах скопилось десятки. Далеко не каждый может похвалиться таким богатством.

Жили мы тогда в маленьком доме на улице Камчатской. Через много лет на отцовских плёнках я нашёл наш дом, держа на улице, а вот резкого снимка самой улицы там, к сожалению, не оказалось – всё больше дети. И какая была радость, когда на негативах Михаила Битюкова я вдруг обнаружил улицу Революционную вблизи Айской, по которой меня каждый день водили в детский сад. И 44-ю школу, куда в первый класс пошёл мой брат!

***

Как справедливо заметил фотограф Евгений Вайднер, все мы начинали лет в четырнадцать: одни не могли прожить дня без своего ФЭДа, у других карман школьного пиджака всегда был оттопырен из-за лежащей там «Смены». «Другие» – это обо мне. У отца был и «Зенит», но его я «заслужил» лишь года через два, а пока мне досталась уже упомянутая «Смена-2» 1955 года выпуска.

И начался «творческий процесс»: ёлка образца Нового, 1972 года, друзья во дворе. Потом переводил плёнку на бесконечные цветочки, ветки, виды за окном. Руку, понятно, я малость набил, но едва ли не с тоскою вспоминаю нынче покрытый булыжником спуск к Белой на улице Фрунзе, восковой заводик на зимней Тукаевской улице, монастырскую стену и башни на Сочинской, на которые я так и не удосужился обратить внимания. А ведь в пору моего увлечения бабочками да ромашками они ещё были живы. К счастью, жила тогда в Уфе люди (Дмитрий Сергеевич Юрьев, например), запечатлевшие эти места.

И всё же именно в 70-х я сделал несколько снимков, которые ныне так любят размещать в Интернете (без указания автора, разумеется) всякие, скажем так, лихие люди. Почему лихие? Да потому, что так называемые поиски «на просторах Интернета» и выставление безымянных авторских либо принадлежащих законным владельцам снимков я бы сравнил с поведением бездельников и пьяниц (гопоты, выражаясь нынешним молодёжным языком) во времена раскулачивания: своего нет, значит, отнимем (изыдем, реквизиру-

ем) у тех, у кого есть. Уважение не только к морали, но и к законам нулевое.

Сегодня я вряд ли смогу объяснить, что меня туда повело, но хорошо помню, как весной 1972-го поднялся я на пятый этаж нового дома по Фрунзе и сделал прямо-таки эпохальный снимок. Эпохальный не в смысле фотоискусства, а с точки зрения истории города. Жива была ещё ведущая к памятнику Салавату Юлаеву улица Чишминская, в конце её стоял отживший свой век и потому переделанный троллейбус ЗИУ-5 с буквами М и Ж на входных дверях. И словно век назад нёс вёдра на коромысле... мужчина. По-моему, этот снимок в своё время я даже не отпечатал. Кто ж знал, что через семь лет от этой экзотики не останется и следа. Но городской пейзаж мне нравился всё больше, и с фотоаппаратом по улицам я всё ж стал лазить.

Особенно увлёкся я этим, когда добрался до слайдов (слова такого тогда почти не употребляли, а говорили «диапозитивы»). Взял для пробы и несколько цветных негативных плёнок. Проявили мне их в фотоателье. Отпечатал с них чёрно-белые снимки и успокоился. Но уже тогда, благодаря книге «25 уроков фотографии» В.П. Микулина, сформировалась у меня не самая плохая и вполне профессиональная привычка разрезать плёнку на полоски, заворачивать в бумагу и подписывать время съёмки. Так что лет через сорок «лёгким движением руки» я могу затолкать полоски негативов в сканер, чтобы вскоре млеть от радостных воспоминаний и реконструкции прежних цветовых ощущений. В самом начале 90-х начал было самостоятельно «заниматься цветом», но технический прогресс освободил меня от этого полурабского труда.

В начале 70-х в магазине на углу Ленина и Коммунистической тогдашние краеведы устроили выставку работ Аполлония Зираха. Сегодня я мог бы даже на-

Анатолий Чечуха. 1976 год.

звать имена тех стоящих подвизников – устроителей выставки. Но в памяти почему-то осталось только общее впечатление: плохо переснятые и неважно напечатанные фотографии. Совсем недавно я встретил оформленный тогда же краеведами альбом сравнительных фотографий – дореволюционных и начала 1970-х. Приятно удивили абсолютно грамотные и обоснованные комментарии на полях, сделанные Владимиром Анатольевичем Скачиловым.

Возможно, именно с тех пор я стал обращать внимание на качество отпечатков. Как и многие другие, надеялся только на себя. Это ж только сегодня в полной мере заработал лозунг Джорджа Истмена (который «Кодак») из давно забытого 1888 года: «*You push the button, we do the rest*» («Вы нажимаете на кнопку, остальное делаем мы»); правда, смысл его стал немного другой – сейчас «всё остальное» происходит уже на стадии разработки фотокамеры. А раньше для получения при съёмке хорошего результата и нужной «гаммы» – коэффициента контрастности, надо было сначала по графику определить время проявления плёнки, потом ещё и подобрать нужный тип бумаги. Иначе на отпечатке многих важных деталей не останется. Приходилось читать разные умные книги по фотографии. Но результат был: к концу 90-х я собрал приличный архив переснятых уникальных фотографий. Многие из них, возможно, уже давно сгорели в печах или просто оказались на помойке. Как сказку вспоминаю сегодня, как в только что переехавшем на новое место Краеведческом музее листал доступные до того момента только избранным легендарные альбомы Аполлония Александровича Зираха. И как при свете одной единственной лампочки переснимал его снимки. Результат вы могли видеть в декабрьском номере «Бельских просторов» за 2005 год.

В мае 1992-го произошёл со мной, как выяснилось ровно через десять лет, почти мистический случай. Залез я с тяжеленным «Киевом-88» на Усольскую гору, туда, где сейчас стоят дома за мечетью «Ихлас». Сделал несколько слайдов, проявил и... засунул их куда-то. И вот май 2002-го. Звонит приятельница и в разговоре спрашивает, почему до сих пор Интернетом не пользуюсь. Я в ответ отшутился: «Потому что там нет цветных снимков Уфы

Прокудина-Горского». И в тот же день я был буквально огорашен ответом на свою шутку: «Снимки Уфы Прокудина-Горского в Интернете есть, но они почему-то чёрно-белые». Надо вам сказать, что ещё в 1970-м году в журнале «Наука и жизнь» я прочитал статью Светланы Гараниной об этом уникальном фотографe, а через много лет уже в «Республике Башкортостан» встретил сообщение о том, что в США вышла книга цветных фотографий Сергея Михайловича.

Понятно, что через неделю-другую с сайта Библиотеки Конгресса США я скачал все уфимские снимки (а также найденные по ключевым словам *bash* и *belaya*, под которыми подразумевались башкиры и река Белая). На каждый снимок уходило по 2–2,5 часа, и это ночью, через телефонную линию. Настолько увлёкся, что, прочитав комментарии на русском языке, не заметил, как проглотил и то, что было только на английском (спасибо советской школе!) – все касающиеся авторских прав места. Уже в июне с художником одного из рекламных журналов по моим маленьким подсказкам мы «собрали» на компьютере из трёх цветоделённых изображений самый первый вид нашего города 1910 года «в натуральных цветах» – «Вид на Новую Уфу». Возможно, мы были первыми, кто в полной красе увидел его после января 1911-го, когда Прокудин-Горский «показывал свои красивые снимки берегов Волги и Урала» императору Николаю II.

Не сразу я сообразил, что за десять лет до этого стоял с фотоаппаратом на той самой точке. За прошедшее с тех пор время быстро выросшие дома закрыли многое из того, что есть на снимке Прокудина-Горского. Часто разные фотографы в разное время приходят на одну точку для съёмки, но на этом месте, насколько мне известно, до меня стоял только «царский фотограф».

Нахватавшись у компьютерного спеца, остальные снимки «собирал» уже сам. Смело отнёс в фотопечатню файлы – ведь кроме меня и ещё нескольких знатоков никто всё равно бы не осознал их уникальности: вполне современные цветные пейзажи какого-то города. И не более того. Даже снимок мечети вполне можно было принять за только что сделанный. Уже в сентябре в Мемориальном доме-музее С.Т. Аксакова открылась выставка цвет-

ных видов Уфы. Прокудина-Горского. Подборка снимков учёного и фотографа вышла в том же году в журнале «Уфа», а потом ещё и в декабрьском номере «Бельских просторов» за 2006 год.

Но и это ещё не всё. «Кто ищет, тот всегда найдёт», – много раз убеждался я в справедливости этих слов. Есть в наследии Прокудина-Горского снимки жителей башкирской деревни Эхья. Снимки её выплыли у меня сразу же, как я стал работать с сайтом Библиотеки Конгресса США. Нигде на белом свете такого названия не было. И вот как-то вновь прочитав необычное название, подумал: «Эх, я – не могу определить, что это такое». Словом, после маленького расследования, в июле 2008 года редакционная машина прибыла в Яхью Салаватского района Башкирии. Все сомнения рассеялись, когда мы увидели тамощные пейзажи. А старожилы Яхьи вполне уверенно назвали нам и фамилии тех, кто попал в объектив Прокудина-Горского.

***

Ещё лет двадцать пять назад большинство краеведов были уверены, что дореволюционную Уфу снимал один А.А. Зирах. Существовали, правда ещё и многочисленные открытки с видами города, но кто делал для них фотоснимки, по большей части остаётся загадкой и сегодня. Бывает и так, что обнаруживается даже оригинальный фотоотпечаток с тем же видом, что и на открытке, или даже негатив. А автора всё равно не знаем. Но достаточно неожиданно начали всплывать довольно большие архивы фотографов дореволюционных и советских лет. Первым среди таких я бы назвал Николая Фосса. Сначала, если восстанавливать всё по порядку, были снимки его сына Петра. Сегодня они довольно широко известны: трамвай из 1947 года на фоне гостиницы «Башкирия», уфимские улицы конца 40-х, дети у паровоза в парке Якутова, строящаяся телевышка. А потом мне притащили целую коробку негативов самого Николая Николаевича. И это было открытие – десятки совершенно неизвестных изображений, вплоть до самого первого самолёта в Уфе! А на дне коробки лежала маленькая... революция – цветные слайды 1912 года (дата выпуска

была напечатана на фирменной упаковке)! Потом к ним прибавилась пачка чудом сохранившихся журналов «Фотограф-любитель», редактором которого был Прокудин-Горский. И брошюрка с описанием процесса обработки цветных фотопластин «Автохром» по методу знаменитых братьев Люмьер. Продолжал радовать и Интернет: через него я познакомился с внуком Н.Н. Фосса, у которого сохранилось не меньше сотни оригинальных снимков деда и отца.

Потом мне удалось полистать преподнесённый в 1867 году (!) Александру II и хранящийся в Эрмитаже альбом фотографий Уфы, выполненных фотозаведением А. Петровой. Но до сего дня я так и не могу назвать полного имени хозяйки самого первого, возможно, фотоателье нашего города.

В последние двадцать пять лет мне посчастливилось познакомиться со многими фотографами. Спознавал в лаборатории М.А. Герасимова в подвале Дворца спорта, пил чай в квартире А.М. Виноградова на улице Космонавтов. До сих пор удивляюсь, насколько разными были два этих ведущих республиканских фотографа середины 1960-х: громогласный, самоуверенный Марат Александрович Герасимов и спокойный, интеллигентный Анатолий Михайлович Виноградов. Работы первого сейчас, к сожалению, почти не известны, а снимки Виноградова постоянно появляются на страницах газет и журналов.

Захотелось мне как-то украсить очередную краеведческую статью фотоизображением известного краеведа середины прошлого века Николая Николаевича Барсова. Сунулся туда, обратился сюда... Всё напрасно. Нет нигде! (Кстати, найти хорошую фотографию Г.Ф. Гудкова вам сегодня тоже вряд ли быстро удастся). Обнаружилась лишь вырезка из газеты «Ленинец». Зато как положено с подписью: «Фото В. Стрижковского». Звоню Вячеславу Александровичу. Он поначалу удивился, что когда-то снимал Барсова, но обещал поискать негатив. Словом, месяца через два я увидел, наконец, как выглядела «звезда» уфимского краеведения середины XX века.

Как-то мы в журнале решили сделать вклейку с юмористическими снимками, и так получилось, что основную часть

их принёс другой легендарный газетчик 70–80-х Равиль Гареев. А Раиф Бадыков, когда мы готовили вклейку к журналу с его работами, удивил нас рассказом о том, как мальчишкой сам сконструировал для себя фотокамеру. Пожалуй, в этом и состоит основное отличие прежних фотографов от современных: раньше все они были ещё и изобретателями.

Но то профессионалы. Они, за редкими исключениями, снимали главным образом Уфу образцово-показательную. Другое дело любители. За десять лет работы в «Бельских просторах» я познакомился с творчеством (да, именно так!) нескольких замечательных фотографов-любителей: Юрия Борецкого, Алексея Репенко, Александра Мусаткина, Галины Кротковой – я назвал имена лишь тех, чьи фотографии публиковались в нашем журнале. Я вообще не всегда смогу объяснить, чем профессио-

нал отличается от любителя. Понятно, что это его профессия, заработок и проч. Но, позволю себе вслед за Остапом Бендером прокомментировать данную ситуацию так: «Где нет любви, там о деньгах говорить не принято».

И закончу я своё повествование, к сегодняшней нашей вклейке как бы не имеющее ни малейшего отношения, призывом: не выкидывайте старые фотоснимки и фотоплёнки! Если уж совсем они вам не нужны, отнесите их в музей. Пусть они порой не такие привлекательные, как нынешняя «цифра», зато в них живёт дух времени – быт, привычки, наряды, да и красота мира тоже. А вдруг кому-то снимок, сделанный вашим дедушкой или мамой, принесёт почти необъяснимое наслаждение. И кто-то, глядя на них, поймёт, наконец, что жизнь прекрасна! Во все времена!

Анатолий ЧЕЧУХА
(род. в 1957 г.)

Давным-давно в марте. 1972

Воспоминание об уфимском базаре. 1974

Трамвайная остановка. 1973

На улице Кирова. 1990

Когда не было развязки. Ул. 50 лет СССР, 1973

Старый тополь. Ул. Фрунзе, 1992

Лодочная станция. 1976

Уютный дворик (на месте галереи ART). 1991

Перекрёсток (остановка «Спортивная»). 1974

Ленинский мемориал. 2001

Букетик (на углу Пушкина и Гоголя). 1987

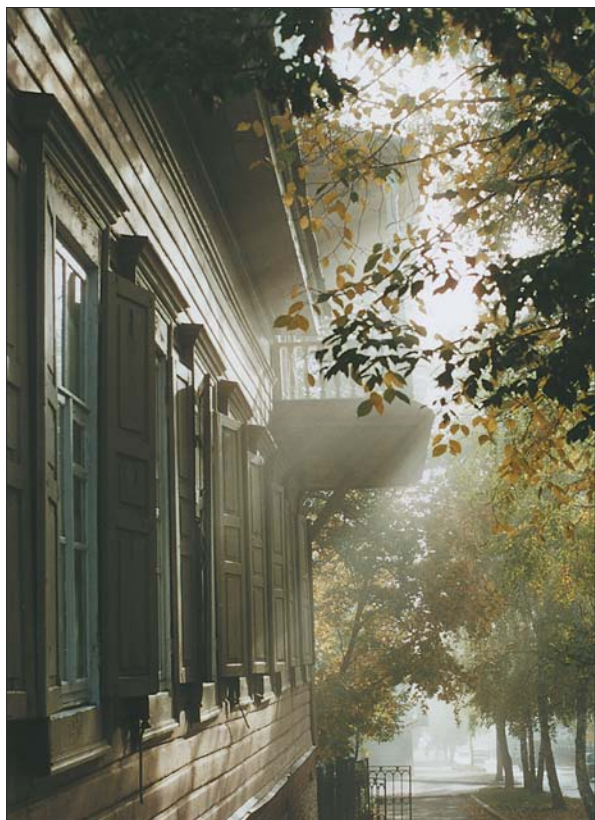
Розовый рассвет (Сергиевская церковь). 1994

После вьюги (ул. Цюрупы). 1998

Бесснежный декабрь. 1996

Музей Аксакова. 2001

Осень старого сада. 1991